

Виктория Коритнянская

Еще одно имя...

В 2025 году мир отмечал восьмидесятилетие победы над нацизмом во Второй мировой войне. Много жизней унесла эта война, и невообразимо дорогой ценой далась человечеству эта победа. Увы, жизни миллионов, их непрожитые судьбы не вернуть, но память о них мы должны, обязаны сохранить!

Возможно, когда-нибудь в Одессе будет составлен мартиролог, где поименно будут указаны все евреи, погибшие во время Холокоста в нашем городе и лагерях Транснистрии. Первые значительные шаги в этом направлении уже сделаны Б. Гидалевичем, Л. Дусманом, П. Козленко и И. Комаренко. Сотни имен сохранены – следовательно, никогда не будут забыты. В то же время сколько еще предстоит разыскать, а сколько уже никогда не будут названы...

В этом очерке – еще одно имя. Еще одна неспасенная жизнь, а значит, еще один неспасенный целый мир...

* * *

История семьи Кантор одновременно похожа и непохожа на тысячи других семейных историй. Похожа, потому что наряду с иными, жившими в российской, а затем советской Одессе еврейскими семьями, она пережила погромы, революции и войны, непохожа – потому что жизнь каждого человека, равно как и каждой отдельной семьи, уникальна и неповторима.

Глава семейства, пружанский мещанин Харитон (Хицкель) Наумович Кантор, обладал недюжинным певческим талантом

и в молодые годы пел на сцене Большого театра в Москве под псевдонимом Комаров. Позднее, после переезда в Одессу, он давал на Подбельского, ныне – улице Коблевской, частные уроки вокала. Учителем, судя по всему, он был хорошим: желающих разучить с ним классические арии было немало. Жена Харитона Наумовича Вера Борисовна, согласно обычаям того времени, была домохозяйкой.

У Харитона Наумовича и Веры Борисовны родилось пятеро детей: четыре мальчика – Михаил, Владимир, Иосиф и Александр – и девочка, смуглая красавица Белла. Все мальчишки, как часто бывало в те годы, выросли убежденными большевиками. Накануне 17-го года, все бросив, они уехали в Москву «делать революцию». Со временем революция «отблагодарила» каждого по-своему. Старшего Михаила сделала известным журналистом и писателем. Иосифа превратила в маститого профсоюзного деятеля и редактора периодических изданий «Наша газета» и «Голос работника». А вот Александра – «весьма крупного» историка, доцента и заведующего кафедрой истории народов СССР в Горьковском государственном пединституте (в настоящее время Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. – **Авт.**), расстреляла в 36-м, обвинив в контрреволюционной троцкистской деятельности. По иронии судьбы все братья ныне покоятся в Москве: облагодетельствованные властью – на Новодевичьем кладбище, нею же уничтоженный – на Новом Донском. Был еще Владимир, но история его жизни, увы, затерялась в водовороте времени и событий...

Из всех детей в Одессе осталась жить только Белла – героиня этого небольшого очерка.

Белла родилась 1 (12) марта 1883 года и была вторым ребенком в семье. В 1899 году она окончила четыре класса Одесской женской гимназии О.Г. Шольп на углу улицы Жуковского и переулка Нечипоренко, а в 1902 – семь классов женского коммерческого училища А.В. Поликарповой-Козленко. Дни сдачи выпускных экзаменов в училище стали для Беллы судьбоносными – юную студентку заметил входивший в состав экзаменационной комиссии штатный преподаватель, а позднее –

начальник Одесского технического железнодорожного училища Василий Модестович Владимиров*

Как в дальнейшем развивались отношения между Василием Модестовичем и Беллой, мы не знаем, однако закончилось все вполне благополучно – союз влюбленных длился чуть более тридцати лет, до рокового февраля 1942 года, но прежде... Задолго до трагических событий второго года оккупации Одессы у Беллы Харитоновны и Василия Модестовича родились две дочери: 28 февраля 1909 года увидела свет Лидия, 14 января 1918 года – Евгения.

Воспитанию девочек уделялось большое внимание. Первые уроки французского языка дала им мать, отец же научил играть в шахматы, привил любовь к чтению и музыке.

Жизнь семьи текла размеренно и обыкновенно. Девочки окончили школу и, получив высшее образование (обе пошли по стопам отца, став педагогами), поступили в аспирантуру. Первой, как и положено старшей сестре, вышла замуж Лидия, однако счастье молодых было недолгим – в 1937 году ее муж был расстрелян по сфабрикованному делу в печально известном ныне урочище Сандармох. За месяц до гибели супруга Лидия родила в Одессе сына, названного в честь деда – фельдшера 53-го пехотного Волынского полка Модеста Владимировича Владимирова – Модестом. Родители Беллы Харитоновны к тому времени уже давно жили с братьями в Москве, так что война застала ее в родительском доме на улице Мастерской с Лидией** и четырехлетним Модиком: младшая дочь Женя, связав себя узами брака, давно жила отдельно, а с началом обороны Одессы и вовсе уехала с семьей мужа в эвакуацию (как вспоминала впоследствии Евгения, уезжать она очень

* Владимиров В.М. – также инициатор и один из основателей в Одессе Шахматного общества. Биографический очерк о нем можно прочесть на сайте электронного биографического справочника о выдающихся одесситах «Они оставили след в истории Одессы».

** Согласно распоряжению Народного комиссариата образования УССР, Лидия после окончания аспирантуры в 1941 г. была направлена на работу в Никопольский институт (обозначенная в документах необходимая дата прибытия в вуз – 15 августа 1941 г.), однако самостоятельно обеспечить свой отъезд со старой матерью и малолетним сыном из почти уже осажденной Одессы она не смогла.



Белла Харитоновна Кантор.
Вероятно, Одесса, 1920-е гг. Из семейного
архива С.А. Бородавкина

не хотела и даже пряталась от родных мужа за баулами на причале, но... была найдена тестем и чуть ли не насильно отправлена на корабль).

Сейчас сложно сказать, почему Белла Харитоновна не уехала из Одессы. Очевидно, она совершенно этого не хотела. Во-первых, в городе оставались дочь и внук, а также к тому времени уже тяжело больной Василий Модестович. Во-вторых, чтобы уехать, нужен был талон на эвакуацию, которого у Беллы Харитоновны – простой домохозяйки – конечно же, не было. К тому же в Одессе у нее была квартира, скудное, но все же имущество, да и бояться немцев – таких интелли-

гентных и воспитанных – она считала, не стоило, и... Решение, как оказалось – роковое, было принято.

О дальнейшей судьбе Беллы Харитоновны (Бети, как ласково называли ее родные и друзья), а также оставшихся в Одессе Василия Модестовича и Лидии с сыном знаем из сохранившегося в семейном архиве письма, которое написала находившейся в эвакуации Евгении ее крестная – Лариса Митрофановна Евдошенко.

Поскольку в письме содержатся не только сведения о судьбах членов семьи Владимировых-Кантор, но отчасти отображены и события, происходившие в Одессе в период ее оккупации румыно-немецкими войсками, ниже воспроизводим его текст полностью с сохранением орфографии и других пометок.

«Одесса 6/V 44 г.

Здравствуй милая, дорогая Женя!

Получила твое письмо 30/IV – четыре красноармейца мне его доста-

вили и второе получила б/В. Лида и Модик живы, здоровы, Лида все эти 2^{1/2} года служила, писала, жила по Ланжероновской улице рядом с театром оперы и балета, очень дружна была с Андреем Б. и уехала 24/III – 44 года. Что касается мамы, то и сейчас, и каждую минуту я ее жду, может быть вернется, так как в феврале 1942 г. она ушла, вернее уехала, в гетто – около станции Березовки – 100 километр[ов] от Одессы. Тебе наверно известно, что делают эти проклятые варвары с евреями в оккупированных областях. Мы все делали, чтобы спасти ее. Лиду спасти было гораздо легче, так как она по паспорту русская и в милиции зарегистрирована как русская и все равно ей надо было на определенное время скрыться. Мы ей нашли убежище – комнату на окраине города около дюковского сада, где ее никто не знал у одной бедной девушки, ибо по приказу варваров должны были отправляться в гетто все евреи и все имеющие еврейское происхождение, не различая пола и возраста. Бедную Бетю мы прятали 2 месяца – приказ был издан в первых числах января, а мама ушла в конце февраля и что самое тяжелое, что она – бедная, от всего переживаемого стала заговариваться, ничего не понимала и ничего не соображала – тяжело было – это была тяжелая трагедия. В январе, когда гнали всех евреев, стояли сильные морозы до 25° – они несчастные с котомками на плечах с малютками на руках шли молча, покорно опустив головы, – сердце разрывалось на части, и мы не были в состоянии спасти их. Дорогой много погибало: погибало от мороза да там на месте их убивали. Мама ушла очень поздно, когда морозов уже не было в конце февраля, была тепло одета – в шубе, валенках и теплом платке. Из гетто многие писали и сообщали о их горькой судьбе – тяжелой непосильной работе – конечно – бедная Бетя никак не могла этого вынести. От нее мы за эти 2 года и 2 месяца ничего не получили, т. е. никакой весточки. На нас – нашу квартиру был сделан донос о том, что мы скрываем 3х евреев, очень тщательно искали – в сарае, погребе, пристали к Елене Евграф[овне], так им донесли, что скрывается пожилая женщина. Надо сказать, что они опоздали на несколько часов. Нам очень помогала в деле спасения Лиды и мамы Ел. Евгр. ныне уже покойная – она умерла 26 января 1943 года, прожив у нас без 3х месяц[ев] 20 лет. Василий Мод[естович] был тяжело болен всю осень и зиму и когда нависла беда, он не в состоянии был оказать какую-либо помощь, он лежал 2 недели без сознания, временами приходя в себя – 23 февраля 42 г. он скончался – мама, услышав это, даже не (отреагировала) не обратила внимание.

26/II мама ушла, скрывать больше не было никакой возможности – мы рисковали своей жизнью. Тебе известно, как проклятые варвары немцы расправляются с населением, оставляя город, мы остались, ждали смерти, каким-то чудом спаслись ибо они не успели, Одесса отделалась своими окраинами – Усатово, Холод[ная] Балка, где все население вырезано.

Пережили очень много, хочется видиться и говорить обо всем, ведь всего не опишешь и обо всем не передать на бумаге.

Жду тебя, приезжай как к себе домой, знай, что твой дом и у нас. Одновременно пишу и в Москву – мне очень тяжело это писать, но что делать – надо пережить. Целую тебя и Леню, желаю Вам быть счастливыми. Приезжайте жду. Ваши, Лариса и Петя Евдошенко».

Вот такое письмо... И такая судьба... Позднее дочери искали следы матери, но... та исчезла, словно ее и не было...

* * *

Вероятно, кому-то из читателей покажется знакомой фамилия спасителей Беллы Харитоновны. Да, это тот самый, когда-то известный в Одессе антиквар, коллекционер и нумизмат Петр Максимович Евдошенко с супругой Ларисой Митрофановной. К сожалению, сегодня уже не найти живых свидетелей их подвига, но поступок, ими совершенный, полностью соответствует всем критериям присвоения звания «Праведник народов мира». В связи с этим, пусть и с опозданием, следует признать, что Лариса Митрофановна и Петр Максимович, а также, очевидно, их домработница Елена Евграфовна – официально не признанные сегодня Праведники народов мира.

О супругах Евдошенко известно немало. Жили они в том же доме, что и семья Кантор (были их соседями и близкими друзьями), по адресу улица Мастерская, 25, в небольшой трехкомнатной квартире на первом этаже. Петр Максимович был крестным отцом Евгении и Модеста.

Лариса (Прасковья) Митрофановна любила театр, сносно играла на фортепиано. Согласно данным «Загальної іменної картотеки фондів окупаційного періоду», ГАОО, А-Я, 1941-1944 гг.,



Лариса Митрофановна Евдошенко в молодые годы. Дата и место съемки неизвестны. Из семейного архива С.А. Бородавкина. Фото Петра Максимовича Евдошенко в семейных архивах внуков Б.Х. Кантор, к сожалению, отсутствует

в период оккупации Одессы работала педагогом в школе № 21, после освобождения Одессы – учителем биологии в 12-й школе (школа располагалась на углу улиц Ленинградской (в настоящее время ул. Александра Кутузакия) и Мастерской). Несмотря на то, что была значительно моложе супруга, умерла первой – 17 декабря 1956 г. Похоронена на Втором Христианском кладбище.

Петр Максимович был выходцем из деревни, в юности долгое время работал подмастерьем, позднее – «мальчиком» при антикварном магазине. Во время оккупации Одессы, по данным

внуков Беллы Харитоновны, открыл на углу улиц Ланжероновской и Екатерининской (нынешней Европейской) антикварный магазин, после освобождения города работал завхозом в винсовхозе в Ульяновке под Одессой. Также работал оценщиком в государственных комиссионных магазинах и, по словам А.С. Коциевского, «приторговывал дома». По воспоминаниям жившего некоторое время в семье Евдошенко М.Р. Софинского, был хозяйственным, сам ходил на рынок за продуктами, умел и с удовольствием готовил. Скоропостижно скончался 4 апреля 1958 г. (по данным Е.В. Владимировой (сведения из картотеки С.З. Лушика) и С.А. Бородавкина, в надписи на надгробии допущена ошибка, в действительности Петр Максимович умер 4 марта). Погребен рядом с женой.

Заметим, что даты рождения супругов Евдошенко, к сожалению, неизвестны, однако часто бывавший вместе с матерью у них в гостях внук Беллы Харитоновны Сергей Алексеевич помнит, что незадолго до смерти Лариса Митрофановна была еще моложавая, довольно полная женщина, а вот Петр Максимович запомнился ему стариком лет семидесяти – семидесяти пяти.

Детей супруги Евдошенко не имели.

К сожалению, собрание П.М. Евдошенко (по мнению А.С. Коциевского – самое крупное в конце 1950-х гг. собрание антиквариата в Одессе, особенно ценной в нем была коллекция монет) не сохранилось после его смерти: часть была распродана по дешевке родней, часть отвезена в село, где сгорела во время пожара. В 1957 году Петр Максимович продал несколько живописных работ («Портрет неизвестной» Н.Д. Кузнецова, «Овцы на водопое» Г.А. Ладыженского и др.) Одесской государственной картинной галерее (в настоящее время Одесский национальный художественный музей). В 1958 г. эти произведения экспонировались на Выставке картин русских и украинских художников второй половины XIX и начала XX вв. из частных собраний г. Одессы.

В книге А.С. Коциевского «О коллекциях и коллекционерах» (1995 г.) П.М. Евдошенко посвящена отдельная глава. Согласно приведенной информации, в основу его коллекции легло собрание известного химика, профессора Новороссийского университета Е.Ф. Клименко, у которого Петр Максимович, «еще мальчиком неграмотным и по-деревенски неотесанным», вначале был в услужении, а со временем, набравшись опыта, стал доверенным лицом (отметим, что С.З. Лущик считал легенду о связи Евдошенко с Клименко неправдоподобной). Позднее существенно пополнить собрание удалось в годы нэпа и оккупации Одессы, когда Петр Максимович был владельцем антикварных комиссионных магазинов (в годы оккупации, согласно данным из картотеки С.З. Лущика, совладельцем антикварного магазина Евдошенко был художник Н.И. Скроцкий). И внуки Беллы Харитоновны, и Сергей Зенонович Лущик на самом деле правы лишь отчасти. В действительности совладельцем магазина Петра Максимовича был брат Николая Скроцкого Виктор, и открыли они в мае 1942 года на углу улиц Ланжероновской и Екатерининской не антикварный магазин, а, как явствует из объявления в «Одесской газете», «Шляпный и меховой магазин Виктора Скроцкого». Об этом позднее также писала в автобиографии и работавшая в нем некоторое время продавщицей Лидия Владимировна.

Одесские коллекционеры считали Евдошенко самородком. Он обладал исключительным чутьем, без которого не мог по-

настоящему состояться ни один коллекционер. «Среди его покупателей были известные ученые, артисты, писатели, в основном из Киева, Ленинграда, Москвы», – вспоминал А. Коциевский. Также он упоминал о массивном золотом перстне с античной геммой на изумруде, изображающей вакхическую сцену. Кольцо это впоследствии купил у Евдошенко известный украинский поэт



Могилы супругов Евдошенко на Втором Христианском кладбище.
Из семейного архива М.Р. Софинского

Микола Бажан (в собрании Киевского литературно-мемориального музея-квартиры Микола Бажана указанный перстень, увы, отсутствует. – **Авт.**). Кроме того, неоднократно бывавший в гостях у Петра Максимовича А. Коциевский писал, что в одной из комнат его роскошной, со вкусом украшенной изысканными предметами старины квартиры размещалось специальное зеркало, с помощью которого Евдошенко мог незаметно наблюдать за пришедшими.

Еще одним источником данных о П.М. Евдошенко является уже упоминавшаяся ранее картотека С.З. Лущика. Из нее со ссылкой на его крестницу Е.В. Владимирову узнаем, что работавший с 1930-х гг. до начала войны агентом по снабжению в виноградарском совхозе в Ульяновке Петр Максимович был всегда крайне нелоялен к советской власти. Жена его Лариса Митрофановна окончила истфак Одесского института народного хозяйства, после чего получила второе высшее образование, окончив биологический факультет. Всю «советскую» жизнь супруги боролись с попытками их уплотнить, подселая и прописывая в своей квартире многочисленных родственников и знакомых.

Автор благодарит внуков Б.Х. Кантор: С.А. Бородавкина и М.Р. Софинского, а также С.А. Седых за помощь в подготовке публикации.